

в стихе об Алексее, человеке Божьем (герой приходит к не узнавшему его отцу в виде «нищего-убогого», «калика-переходца»). Духовные стихи воспевают «нищенскую ипостась калики» (с. 391). Хлыбова сосредоточивается на стихах о Вознесении и Лазаре — «поэтическом выражении идеи нищества» (с. 395). Стих о Вознесении, по всей видимости, сложился в XVI веке, когда царские власти попытались пресечь нищенство. Стих о Лазаре, в котором противопоставляется спасительность нищества и пагубность богатства, говорит исследовательница, утверждает помимо этого еще одну идею — необходимость ради собственной души подавать милостыню. В сюжетах о Страшном суде одним из грехов называется также отказ нищим в милостыне.

Во второй части своего исследования фольклористка не выделила в отдельную главу рассмотрение прозаических легенд, которые, как и былины и духовные стихи, были в репертуаре нищих. Этот жанр устной поэзии неоднократно упоминается автором на страницах книги, но остается непонятным, имеются ли примеры включения образа калик в легенды или нет.

Рецензируемая монография не только описывает феномен калик переходящих, давая читателю большой объем информации, но заставляет задуматься над разными сферами русской культуры, сопологающимися с теми аспектами, которые стоят в центре исследования. Заметим, что на обложке помещена репродукция с картины В. М. Васнецова «Нищие певцы» (1873; Вятский художественный музей) — первого его большого многофигурного живописного полотна, замеченного критикой. Картина написана по детским и юношеским впечатлениям. На задней стороне обложки дана другая картина — «Калики переходящие» И. М. Прянишникова (1870; Третьяковская галерея). Хлыбова не касается темы нищества и странничества в изобразительном искусстве, но этот

материал, без сомнения, может дать дополнительные штрихи к изучаемой теме. Русские художники нередко обращались к фигуре странников. На картине П. П. Соколова «Нищие странники» (1872) два персонажа явно, как и у Васнецова, поют. Целую серию странников оставил В. Г. Перов: погрудный портрет (1859), странник, стучащийся в окно (1869), странник, изображенный во весь рост (1870). Исследовательница практически никак не затрагивает тему женского богомолья, которое в XIX веке, однако, было весьма распространено. И. Е. Репину принадлежит картина «Богомолки-странницы» (1878), являющаяся самостоятельным этюдом к знаменитому «Крестному ходу в Курской губернии» (1881–1883). Двух странниц, как и у Репина, изобразил на своем полотне В. Е. Маковский («Две странницы», 1885). С. А. Виноградов на картине, названной «К преподобному» (1910), представил нескольких женщин с котомками за спиной, идущих по дороге. Цель их пути явно не просто странническая, а паломническая.

На определенные размышления наводят биографии некоторых быллинчиков Русского Севера. Знаменитая Марья Дмитриевна Кривополенова, напомним, нищенствовала — собирала «кусочки» в близлежащих деревнях Пинеги. На двух калик в Каргополье указывает П. Н. Рыбников — калика Латышев и быллинчик, который вошел в науку как Калика из Красной Ляги. Сопраженность каличьей «профессии» и песенно-эпического репертуара, неоднократно обсуждаемая в фольклористике, вероятно, может стать в очередной раз предметом размышлений в свете рецензируемой книги.

С монографией Хлыбовой «Калики Святой Руси: опыт имагологии» русская гуманитарная наука получила добротный материал для понимания одной из сфер русской культуры. Не сомневаемся, что книга будет востребована и историками, и фольклористами.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-270-272

© Д. М. Буланин

ОСВОЕНИЕ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТЬЮ НАСЛЕДИЯ МАКСИМА ГРЕКА: СТАРШИЕ ОПЫТЫ*

Максим Грек умер в 1555/1556 году. Почему же тогда столь важен для изучения биографии и творчества писателя исторический период, приходящийся на последнюю четверть XVI века и выбранный как объект исследова-

ния в монографии, которую мы представляем? Чтобы ответить на поставленный вопрос, нужно принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, форма, в которой писания Максима Грека распространялись рукописной книжностью, отличается от обычной манеры размножать прочие душевспасительные тексты средневековым начетчиком. Те тексты обыкновенно копировались в сборники, и копировались порознь, изредка — в виде циклов. Напротив,

* Крутецкий В. Ю. Преподобный Максим Грек в русской культуре последней четверти XVI в. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 272 с.

большинство написанных афонским старцем произведений укомплектованы в отдельные книги, хотя и с разным набором глав и с разным их расположением. В таком виде у нас в те времена циркулировали только творения отцов церкви — Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого и др. Таковы образцы, на один уровень с которыми ставили в Москве Максима Грека. Для книжников авторитет его не уступал авторитету самых почитаемых церковных писателей. Кодексы с его писаниями можно назвать, пользуясь современной терминологией, собраниями избранных сочинений. Они отличаются друг от друга по составу, каждому типу собрания даны специалистами условные названия. Тип, в свою очередь, представлен более или менее многочисленными списками. Текстологу, обращающемуся к наследию Максима Грека, приходится работать на нескольких уровнях, определяя 1) взаимоотношение самих типов, 2) существующих списков отдельно взятого типа, 3) каждого из произведений, входящих в соответствующие списки.

Второй момент, который нельзя не учитывать, обсуждая рецепцию наследия Максима Грека, касается культурного контекста. Речь идет о масштабных идеологических и литературных предприятиях, какие создавались одно за другим на протяжении XVI века и какие должны были продемонстрировать сакральную природу новоявленного Московского царства. В литературной истории ту эпоху ознаменовали книжные памятники синтетического («энциклопедического») содержания, они подкрепили претензии Московской Руси на роль последней в истории истинно православной державы («Великие Четыре Минеи», «Стоглав», «Домострой», Лицевой летописный свод и др.). К этой серии идеально подходит некий инвариант, просматривающийся за всей суммой собраний сочинений Максима Грека, первые из которых стали формироваться еще при жизни писателя. Широта тематики, присущая его творчеству, видна отчасти и в каждом собрании сочинений. Они охватывают все основные разделы православного вероучения и церковного предания (догматика, апологетика, экзегетика, этика, священная история). Подобная книга вполне может быть приобщена к другим «энциклопедиям». Конкурентов у нее как введения в золотой фонд православия в тогдашней московской письменности не просматривается.

Годы, предшествующие учреждению патриархии (1589) и примыкающие к этому событию, стали временем окончательного торжества идеи об избранничестве Москвы на пути providенциальной истории. Некоторые из сформировавшихся ранее «энциклопедий» перерабатываются тогда, чтобы стать «вторыми изданиями», к числу их относятся и разные типы собраний с трудами Максима Грека. В очередные собрания часто попадали авторские произведения, прежде читавшиеся в сборниках по уровню, а иногда — неизвестные по более ранним спискам. Кроме того, в составленные тогда

собрания впервые стали включать тексты, нацеленные на реабилитацию писателя, над которым все еще тяготели обвинения в еретических заблуждениях, предъявленные ему на соборах 1525 и 1531 годов.

Таким образом, рецепция литературного наследия Максима Грека в последней четверти XVI века, выделенная как предмет разысканий в книге В. Ю. Крутецкого, важна во всех отношениях. Она проясняет, с одной стороны, значимые нюансы в жизни и деятельности писателя, с другой стороны, выявляет мотивы, обусловившие пристальный интерес к его личности и трудам со стороны ближайших поколений. В первой главе книги ученый рассматривает все типы собраний сочинений Максима Грека, возникшие в изучаемый период (за исключением Соловецкого, история которого стоит особняком). Их в монографии насчитывается пять: собрание до 1587 года, собрание Вологодского архиепископа Ионы Думина, собрание в рукописи Парижской национальной библиотеки Slave 123, Синодальное собрание, Музейное собрание. В отношении каждого из этих типов устанавливается, из каких частей он скомпонован, причем начальной точкой отсчета берутся собрания, созданные при жизни и, вероятно, при участии писателя. Анализируя состав перечисленных типов, ученый стремится объяснить принципы, которыми руководствовались создатели, когда выбирали тексты и выстраивали их в определенной последовательности. Случается, что интерпретация структуры собрания чересчур увлекает ученого, поскольку признаком собрания, воспрепятствовавшим его распространению в списках, может стать как раз отсутствие внутренней логики (так обстоит дело с собранием в рукописи Slave 123). По ходу анализа автор монографии делает ответственные выводы или подтверждает выводы, сделанные его предшественниками (дискуссионные вопросы о взаимоотношениях собраний Ионы Думина и Рогожского, собраний в рукописи Slave 123 и Синодального). Касаясь вопроса о том, где были составлены разобранные типы, Крутецкий склоняется к мнению, что, по меньшей мере, три из них (Ионы Думина, сохранившийся в рукописи Slave 123, Синодальный) возникли в Чудовом монастыре. В последней четверти XVI века это был главный книжный центр, пропагандировавший наследие афонского старца. Сравнение списков отдельно взятого собрания позволяет иногда восстановить его архетип, благодаря чему подтверждается атрибуция Максиму Греку редких и уникальных текстов (ср. пропуск нескольких сочинений во всех списках собрания до 1587 года, кроме РНБ. F.I.250).

Вторая глава монографии посвящена полемике Максима Грека с астрологическими предсказаниями. Главным объектом критики старца стал придворный врач Николай Булев, ратовавший за церковную унию и распространявший прогностическую литературу. Свои полемические выступления, объясняющие различия между православной и католической церквями

(«Слова на латинов»), несовместимость христианства с астрологией, писатель адресовал Федору Карпову — ведущему интеллектуалу при дворе Василия III. Исследователь подробно рассматривает предметы, которые обсуждались в полемических писаниях Максима Грека. Комплекс этих писаний, известных по нескольким ранним сборникам, стал включаться в собрания сочинений в последние десятилетия XVI века, чем и оправдано обращение к ним в рецензируемой монографии. С особой тщательностью анализируется Первое послание Карпову против астрологии. Выбор произведения объясняется не только его значимостью для творчества святогорца. Счастливая находка, касающаяся развития текста Послания, позволила ученому реконструировать взаимосвязь нескольких собраний сочинений. Выяснилось, что в собрании, представленном списком Slave 123, тетрадь с частью Первого послания была механически перемещена во Второе послание на ту же тему. Образовавшуюся в тексте лауну воспроизводят Синаodalное и Музейное собрания, а вслед за ними — типы, датирующиеся XVII веком. Стало быть, все типы с лакуной генетически связаны со Slave 123.

Памятникам, содержащим сведения о жизни Максима Грека, посвящена третья глава книги. Составители тех типов собраний его сочинений, что возникли в обсуждаемый период, решили поместить целый набор подобных текстов рядом с собственными произведениями святогорца. Сюда относятся написанные при жизни старца и обращенные к Ивану Грозному грамоты Александрийского патриарха Иоакима (1545) и Константинопольского патриарха Дионисия (1546). Оба просят отпустить невинно пострадавшего старца на Афон. Разреши-

тельная грамота Максиму Греку Константинопольского патриарха Иеремии (1588) несет печать другой эпохи, когда предпринимаются решительные шаги для реабилитации почившего. В те же примерно годы создано первое из обращавшихся в русской письменности Сказаний о Максиме Греке, которые повествуют о его судьбе и представляют своего героя в наиболее благоприятном свете. Первое Сказание включали в собрания сочинений тех самых типов, которые изучаются в книге Крутецкого. В приложениях к своему исследованию автор публикует, с различиями по всем спискам, два памятника — Первое послание Федору Карпову против астрологии и разрешительную грамоту патриарха Иеремии. Кроме того, по одному из древнейших списков издается старшее по времени Сказание о Максиме Греке.

Стоит отметить, что Крутецкий является учеником Н. В. Сеницыной (1936–2018), которая заложила основы текстологического изучения трудов Максима Грека и предложила классификацию кодексов с его сочинениями. Она была известна своей научной скрупулезностью, что в какой-то мере служит аттестацией работавшего под ее руководством специалиста. Как можно понять при ближайшем знакомстве с рецензируемой монографией, ее выход в свет отделен от времени ее написания довольно значительным промежутком времени. Да позволено будет, в связи с этим, упрекнуть автора книги, что он хотя бы в минимальной степени не обновил историографическую базу своей работы, включая последние работы Сеницыной, в которых она касается рассматриваемых Крутецким типов собраний и (что особенно важно) частично отказывается от прежних своих выводов.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-272-275

© А. С. Бодрова

ЛИТЕРАТУРА И СЦЕНАРИИ ВЛАСТИ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ И НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХ*

Объемный и представительный сборник статей Л. Н. Киселевой, вышедший в конце прошлого года в издательстве Тартуского университета и, по счастью, сразу же ставший доступным онлайн,¹ — настоящий подарок исследо-

* Киселева Л. Н. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Tartu: University of Tartu Press, 2023. 875 с.

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00761, <https://www.rscf.ru/project/24-18-00761/>, ИРЛИ РАН.

¹ См.: https://ruslit.ut.ee/ljubov_kisselova_karamzinistid_arhaistid_trykki.pdf (дата обращения: 31.05.2024).

вателям литературной и общественной жизни Российской империи конца 1790-х — 1830-х годов. Работы Л. Н. Киселевой, признанного специалиста по истории культуры и идеологии начала XIX века, многолетней заведующей кафедрой русской литературы — кафедрой Ю. М. Лотмана — в Тарту, наставницы нескольких поколений филологов-славистов, давно входят в круг основополагающих исследований Александровской и Николаевской эпох. Без ссылок на разыскания Л. Н. Киселевой сложно представить описание творческой, социальной и идеологической позиции В. А. Жуковского, А. А. Шаховского, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки, И. А. Крылова, М. Н. Загоскина. Рецензи-

Дмитрий Михайлович Буланин

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Dmitrii Mikhailovich Bulanin

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinsij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5480-7964

dmitriibulanin@yandex.ru

**ОСВОЕНИЕ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТЬЮ НАСЛЕДИЯ
МАКСИМА ГРЕКА: СТАРШИЕ ОПЫТЫ****THE LEGACY OF MAXIM THE GREEK AS MASTERED
BY THE RUSSIAN WRITING: THE EARLIEST ATTEMPTS**

[Рец. на:] *Крутецкий В. Ю.* Преподобный Максим Грек в русской культуре последней четверти XVI в. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 272 с.

[Review:] *Krutetskii V. Iu.* Prepodobnyi Maksim Grek v russkoi kul'ture poslednei chetverti XVI v. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2022. 272 s.

Алина Сергеевна Бодрова

доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alina Sergeevna Bodrova

Associate Professor, National Research University *Higher School of Economics*;
Senior Researcher, Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4048-1908

abodrova@hse.ru

**ЛИТЕРАТУРА И СЦЕНАРИИ ВЛАСТИ
АЛЕКСАНДРОВСКОЙ И НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХ****RUSSIAN LITERATURE AND THE SCENARIOS OF POWER
DURING THE REIGN OF ALEXANDER I AND NICHOLAS I**

[Рец. на:] *Киселева Л. Н.* Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Tartu: University of Tartu Press, 2023. 875 с.

[Review:] *Kiseleva L. N.* Karamzinisty i arkhaiсты. Stat'i raznykh let. Tartu: University of Tartu Press, 2023. 875 s.